

платной рабочей силой ушёл по назначению. По прибытии в Германию, как рассказывала уже после войны сестра, их выгрузили на какой-то станции, перегнали на трудовой рынок, построили в шенгенгу. Немцы и немки стали разбирать их по домам, как рабынь. Мою сестрёнку и ещё одну девочку — украинку увела фрау — торговка, она имела киоск по продаже овощей. Оля она поручила продавать морковь. К ней часто подходили наши русские бедолаги, наверное, такие же рабы, как и она сама, которых хозяева не кормили, и Оля из жалости к ним тайком давала им по морковке. Сколько времени она поработала у этой фрау, я уже не помню, только это заметила девочка — украинка и донесла хозяйке. Хозяйка не стала её наказывать, а заявила в местную префектуру, что она отказывается от русской работницы. Префектура нашла для моей сестрёнки нового хозяина — состоятельного Бауэра, жившего в особняке за трёхкилометровым кирпичным забором и имевшим целое стадо дойных коров. Оля должна была вставать в 4 утра, кормила, чистила, убирала навоз, доила коров вручную, процеживала и разливала по ёмкостям молоко. В общем на её полудетских плечах было целиком хозяйское стадо.

Сколько времени она проработала у этого Бауэра, уже пожилого немца, не имевшего детей и жившего только со своей, тоже пожилой, женой, я уже не помню, только моя сестренка страшно затосковала по дому, по своей Родине. Она надумала бежать. Но как это сделать: перебраться через трёхметровый забор и уйти незамеченной? Да и свора сторожевых собак могла разбудить хозяев. И всё-таки она продумала, как ей казалось, все детали преодоления стены и побега. С огромным трудом и осторожностью перебралась через стену и оказалась на свободе. Не шла, а бежала как на крыльях среди ночи по широкому тракту, не думала о преодолении полутора тысяч километров пути и уже представляла себя в объятиях родной мамы.

Но чуткий хозяин, проснувшись и обнаружив исчезновение рабыни, позвонил в полицейский участок и там быстро снарядили погоню. Она через час была в руках полицейских. Их не интересовали чувства и переживания подростка, за саботаж, что ей вменялось в вину, ее бросили в холодный и сырой карцер на трое суток, после чего отправили в концентрационный лагерь смерти — Освенцим (в Польше), в котором до прихода туда нашей армии было уничтожено и сожжено более 400 тысяч военнопленных, патриотов из СССР и стран Запад —

ной Европы, евреев. Ее поместили с другими пленницами в женский барак, дали халат — «полосатик», как они сами называли его, на ноги деревянные колодки — одежда и обувь на все времена года. Вместе с другими девочками моей сестре лагерное начальство поручило выполнять «ответственную работу» — вывозить на тачке и развеивать в ближайшем поле пепел сожженных в крематориях человеческих тел. Крематории «работали» на всю мощь и днем и ночью. Жертвы запускаясь в камеру смертников якобы в баню, камера наполнялась сильнодействующим ядом, жертвы умирали в страшных муках, проваливался пол, их трупы по конвейеру отправлялись: в печь, а их пепел как удобрение и вывозили девочки в поле. Душераздирающие крики умирающих в душегубке глушились ревом мощных моторов машин, похожих на трактора.

Долго мы не знали, — рассказывала Оля, — что мы возим, чей это пепел! Но какое — то время спустя кто-то сказал, что они возят пепел сожженных людей, обитателей лагеря, а затем всех, кто оказывается свидетелем этих злодеяний, немцы тоже сжигают.

После услышанного холодный страх вселился в нас и не отпускал ни на минуту. Мы продолжали таскать свою тачку со страшным грузом, но делали это уже как — то автоматически, двигались полусознательно как в тумане, чувствовали себя ходячими трупами. Одна из девочек, кажется это была курянка, звалась она Лидией Секачевой (или Сигачевой), — вспоминала Оля, — сочинила даже очень грустную песню, в которой она выразила наше предчувствие близкой смерти, и мы ее пели вполголоса, чтобы не услышал автоматчик, постоянно сопровождавший нас.

Кормили нас, — продолжала вспоминать Оля, — баландой из свеклы, которая горой лежала над крышей барака и охранялась автоматчиками.

Однажды мы с девочкой, тоже украинкой, случайно оказались в той казарме со свеклой. Мы постоянно испытывали чувство изнуряющего голода. Увидев груду свеклы, обрадовались возможности незаметно украсть хотя бы по одной штучке. Оля, заметив автоматчика, остереглась, а девочка — украинка не сдержалась, и как только она согнулась, чтобы взять свеколку, тут же была скошена насмерть очередью палача — автоматчика.

Особенно тяжелые моменты были для лагерников, когда фашисты устраивали облавы на беглецов, которые, как правило, убегали по но —